

№

АНТРАКТЪ.

6.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.) Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Им. Им. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова Дави-дова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Петербургскіе театры. — Еще по поводу артистическаго кружка. — Смѣсь (Пѣвица-теноръ. Пожаръ театра. Дуэль).

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Прошедшій годъ заключился неудачною постановкою на петербургской сценѣ исторической пѣсмы г. Аверкіева, *Малаево побойще*, не имѣвшей на сценѣ — и совершенно справедливо — успѣха. За то текущій годъ начался блистательнымъ успѣхомъ другою исторической пѣсмы. Въ бенефисъ г. Пальскаго была играна въ 1-й разъ замѣчательнѣйшая изъ вещей пѣсмы, данныхъ въ истекшемъ сезонѣ на петербургской русской сценѣ, это — *Димитрій самозванецъ* Чаева.

Пѣса эта начинается полученіемъ грамотъ Димитрія въ Москвѣ и кончается убійствомъ его въ Кремлѣ. — Это скорѣе не драма, а драматическая хроника, имѣющая не мало за собою и сценическихъ и литературныхъ достоинствъ. Однимъ изъ главныхъ между этими достоинствами является добросовѣстное изученіе жизни взятой авторомъ эпохи, хотя къ этой жизни авторъ иногда и относится нѣсколько странно. Особенно странно выведена у автора этой пѣсмы личность самаго самозванца. Совершенно оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, что Димитрій — сознательный или безсознательный самозванецъ, авторъ тѣмъ самымъ лишаетъ эту личность чрезвычайно драматическаго элемента (не даромъ Шиллеръ въ своей неоконченной драмѣ «Димитрій» ставитъ открытіе Димитрію того, что онъ самозванецъ, — одною изъ главныхъ перенетій своей драмы). Г. Чаевъ рисуетъ Димитрія какимъ то сумасбродомъ, который постоянно повинуетъ однимъ только минутнымъ влеченіямъ, который во всемъ поступаетъ неподумавши, челоукомъ, который никакъ не могъ бы, при своемъ характерѣ и при своей безалаберности, не только достигнуть престола, увлечь короля, польскихъ вельможъ, пану, іезуитовъ, наконецъ всю Русь, но даже держаться на престолѣ и погибнуть только вслѣдствіе заговора партіи, въ то время, какъ большинство бѣжало въ Кремль спасать любимаго царя. Принявши самъ католицизмъ и давъ обѣщаніе и во всей Россіи ввести это вѣроисповѣданіе, Димитрій такъ ловко тянетъ дѣло, что промедленіемъ своимъ во вводитъ католицизма не раздражаетъ ни іезуитовъ, ни паны. И вообще вся судьба перваго самозванца, все — какъ онъ достигалъ царства и какъ потомъ правилъ имъ, реформы, которыя онъ сдѣлалъ и ду-

малъ сдѣлать, — не показываетъ ли все это въ первомъ самозванцѣ характера болѣе глубокаго, чѣмъ какимъ представилъ его г. Чаевъ? Но хорошо ли, или дурно понималъ г. Чаевъ характеръ самозванца, вѣрно или нѣтъ съ исторіей представилъ его, все таки у него Димитрій самозванецъ — живое лицо, за что большое ему спасибо. Я не стану, впрочемъ, разбирать этой пѣсмы; вѣроятно она появится вскорѣ и на московской сценѣ и Антрактъ не приминетъ подробно разобрать ее, скажу только, что *Димитрій самозванецъ* Чаева, не смотря на свои недостатки, при современномъ состояніи нашей драматургіи, явленіе весьма отрадное. Народныя сцены въ пѣсѣ очень хороши, языкъ тоже очень хорошъ, хотя иногда и изысканъ, благодаря слишкомъ большому употребленію народныхъ и летописныхъ выраженій. Вообще пѣса эта заключаетъ въ себѣ много достоинствъ и потому не удивительно, что она имѣла большой успѣхъ, чему отчасти содѣйствовалъ и самый сюжетъ ея. До сихъ поръ, со временъ пѣсмы Сумарокова, самозванцу входъ на сцену былъ воспрещенъ. Билеты на представленія этой пѣсмы доставались съ большимъ трудомъ, театръ постоянно былъ полонъ и автора вызывали нѣсколько разъ, при чемъ (замѣтимъ, какъ новость) онъ выходилъ раскланиваться съ публикою не въ директорскую ложу, какъ водилось доселѣ, а на сцену, рука объ руку съ г. Самойловымъ, исполнявшимъ роль самозванца. Новость эта прежде всего явилась на петербургской русской оперной сценѣ, на которой гг. Даргомыжскій и Стровъ, на вызовъ публики, стали выходить не въ директорскую ложу, а на сцену, вмѣстѣ съ артистами, исполнявшими ихъ оперы.

Обстановка *Димитрія Самозванца* на петербургской сценѣ хотя и не роскошна, но довольно прилична; двѣ декорации сдѣланы новыя. За то нѣкоторыя другія декорации, какъ напр., долженствовавшая изображать золотую палату въ Кремлѣ, были вовсе не похожи на то, что должны были собою изображать. Поставлена пѣса старательно, хотя и нельзя не замѣтить, что нѣкоторыя сцены могли бы быть поставлены гораздо лучше, особенно народныя. (Вообще вредило очень эффекту подобныхъ сценъ то, что въ нихъ на театрѣ было мало народу). Възъездъ Димитрія, отличавшійся, какъ извѣстно, своимъ великолѣпіемъ, на сценѣ довольно бѣденъ, и крики народные, величающіе самозванца

царемъ-батюшкою и вдругъ между ними раздающиеся голоса «Гришка Отрепьевъ, разстрига, самозванецъ, воръ» — совершенно пропадаютъ, а между тѣмъ, вѣдь въ этихъ голосахъ — завязка пьесы, тѣмъ болѣе, что г. Чаевъ низверженіе Димитрія самозванца представляетъ болѣе не дѣломъ боярской партіи, а скорѣе дѣломъ народа; глухіе, одиночные голоса о самозванствѣ Димитрія во время его вѣзда въ Фроловскіе ворота (*), среди всеобщаго ликования при видѣ сына Іоанна Васильевича, превращаются въ концѣ пьесы въ общій крикъ о низверженіи самозванца. Потомъ сцена, когда Димитрій съ Мариною идутъ изъ собора послѣ вѣнчанія, должна кишѣть народомъ, а между тѣмъ тутъ, какъ и во всѣхъ вообще народныхъ сценахъ, народу мало, отъ чего эффектъ этой сцены совсѣмъ пропадаетъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не поблагодарить петербургскую дирекцію, что она успѣшила поставить эту пьесу тотчасъ же, какъ только разрѣшила ее театральная цензура. Особенный эффектъ производитъ послѣдняя сцена пьесы, и сама по себѣ, и по сюжету своему (убійство Димитрія) уже весьма эффектная и къ тому же прекрасно поставленная.

Роль самозванца исполняетъ г. Самойловъ. Наружность, согласно съ дошедшими до насъ портретами самозванца, сдѣлана имъ очень хорошо, но передача характера самозванца г. Самойловымъ не можетъ назваться вполнѣ удовлетворительною. Характеръ этотъ у г. Чаева хотя не глубокий, не сложный, но очень цѣльный и живой, а въ исполненіи Самойлова онъ какъ то распадается.

Марину Минишкѣ исполняетъ молодая актриса, г-жа Малышева. Роль эта ей не по силамъ, и хотя эта актриса очень хороша собой, но даже и наружность ея все таки не соответствуетъ тому типу, какой мы видимъ на портретахъ Марины. Патетическія сцены роли особенно не удалась г-жѣ Малышевой.

Съ большою похвалою можно отнестись о г. Григорьевѣ въ роли Минишка. Если бы только побольше гонору этому польскому магнату, г. Григорьевъ былъ бы превосходенъ въ этой роли. Особенно хорошо передается имъ привѣтственная рѣчь Минишка Димитрію. Довольно недурно исполняетъ г. Григорьевъ и другую роль въ этой пьесѣ, роль слѣпаго Симеона Бекбулатовича, но гораздо хуже, чѣмъ роль Минишка.

Г. Зубровъ въ роли Шуйскаго недуренъ, хотя и можно пожелать лучшаго исполненія этой роли. Хорошъ г. Васильевъ 1-й въ небольшой роли Осипова.

Остальные роли въ пьесѣ исполняются тоже недурно, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ, какъ

(*) Тутъ кстати надо замѣтить ошибку на декорации. Самозванецъ вѣхалъ на Красную площадь чрезъ Москворѣцкіе ворота, бывшіе за Василемъ Блаженнымъ, стало быть онъ къ Фроловскимъ (нынѣшнимъ Спасскимъ) никакъ не могъ подъѣзжать съ Варварки или Ильинки, какъ это выходитъ по расположенію декорации этой картины на сценѣ Александринскаго театра.

напр. ролей польскихъ пословъ, князя Голицына. Повторю, пьеса производитъ большой эффектъ (*).

Кромѣ Димитрія Самозванца, въ бенефисъ г. Нильскаго шла еще новая пьеса *Сговоръ въ Галерной Гавани*, не дурно рисующая бытъ петербургскихъ мелкихъ чиновниковъ.

Г. Каратыгинъ, въ бенефисъ свой, далъ пьесу Александра Дюма (отца) *Галифаксъ*, назвавъ ее въ своемъ переводѣ: «Отъ судьбы не уйдешь». Пьеса эта — достоинствъ *Испанскаго дворянина*; даже характеръ Галифакса сходенъ съ характеромъ Донъ Пезаря де Вазана; однакожъ, при талантѣ Александра Дюма и вообще при ловкости французскихъ драматурговъ придать хоть вышній интересъ своимъ пьесамъ, она смотрится безъ скуки, не такъ какъ большая часть пьесъ нашихъ доморощенныхъ драматурговъ. Вѣдь нѣтъ сюжета *Галифакса*, кажется, ничего нельзя придумать; на отдѣлку дѣйствующихъ лицъ авторъ не употребилъ никакого труда; серьезнаго вопроса пьеса никакого не задѣваетъ, художественной обработки нѣтъ въ пьесѣ; а все таки смотришь ее — и не скучаешь. Впрочемъ большаго успѣха пьеса эта не имѣла, хотя г. Самойловъ и очень хорошъ въ роли Галифакса. Данный на этомъ же бенефисѣ новый водевиль, передѣланный г. Соловьевымъ «*Лучше никогда, чѣмъ изъ поздно*» былъ бы довольно забавенъ, если бъ онъ былъ покороче. Бенефисъ закончился старою пьескою: *Залъ для стрижки волосъ*, въ которой играли: русскаго — г. Марковецкій, нѣмца — г. Лобе, француза — г. Верне.

Въ бенефисъ г. Самойлова шла драма *Ришелье*, переведенная съ англійскаго М. Степановымъ. Пьеса эта, сюжетъ которой составляютъ болѣею частію придворныя интриги, скучна, растянута и не представляетъ ничего замѣчательнаго. Въ роли Ришелье очень хорошъ г. Самойловъ. Также хороша въ этой пьесѣ г-жа Владимірова. Бенефицианту были поднесены отъ публики: брилліантовый перстень на серебряной тарелкѣ и нѣсколько лавровыхъ вѣнковъ, въ томъ числѣ одинъ золотой. Кромѣ того, г. Григорьевъ 1-й, исполнявшій роль доминиканца Іосифа, при первомъ выходѣ вмѣстѣ съ бенефициантомъ на сцену, поднесъ ему тоже лавровый вѣнокъ отъ товарищей.

На этомъ же бенефисѣ шла въ 1-й разъ комедія въ 1 д., передѣланная съ французскаго Ивановымъ, *Полюбовный размылъ*. Это ничто иное, какъ пере-

(*) Жаль, что авторъ, выведя на сцену судъ собора надъ Шуйскимъ, не воспользовался иностранными извѣстіями о томъ, что самозванецъ самъ на этомъ соборѣ оспаривалъ Шуйскаго и уличалъ его въ клеветы и говорилъ такъ умно и искусно, что изумилъ весь соборъ, который и осудилъ Шуйскаго на смерть. Самозванецъ, защищающій самъ свое дѣло передъ соборомъ, — лицо весьма драматическое и эффектное; но никто не можетъ ставить въ упрекъ автору того, что онъ не воспользовался этими извѣстіями, потому что зритель или читатель драмы не имѣетъ права винить автора, зачѣмъ онъ сдѣлалъ то-то и то-то, а не сдѣлалъ того-то и того-то; зритель или читатель имѣетъ только право судить, хорошо ли или дурно авторъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ. —

дѣлка на русскіе нравы хорошенькой французской пѣски Chassé-croisé, но никакъ не клеющейся съ русскими нравами. Право, пора выбросить всѣ эти передѣлки пѣсь изъ однихъ нравовъ на другіе, эту пересадку быта одной страны въ другую. Всѣ передѣлки эти болѣе или менѣе неудачны, всѣ онѣ выходятъ какими-то ни павами, ни воронами, ни русскими пѣсами, ни иностранными. И въ этомъ случаѣ, изъ безчисленнаго множества подобнаго рода передѣлокъ, единственное исключеніе составляетъ *Левъ Гурвичъ Синичкинъ* Ленскаго.

Г-жа Загородникова, молодая актриса, съ хорошимъ голосомъ, оставила сцену. На мѣсто ея ангажирована г-жа Рихтеръ, которая и дебютировала въ роли Эвридики въ оперѣ *Орфей въ аду*.

Была еще дебютантка на петербургской сценѣ, г-жа Черкасова. Дебютантка эта, при прекрасной наружности, не безъ способностей къ драматическому искусству.

На русской оперной сценѣ, *Розинда* Сброва до конца сезона продолжала дѣлать полные сборы. Возобновленная, въ бенефисъ г. Комиссаржевскаго, опера Даргомыжскаго *Русалка* также привлекала въ театръ многочисленную публику. Вообще русская опера пользуется большою любовью петербургской публики и посѣщается гораздо многочислѣннѣе, чѣмъ итальянская. Возобновленная опера Мейербергера *Робертъ*, въ бенефисъ хора русской оперы, имѣла большой успѣхъ. Особенно хороши были гг. Васильевъ 1-й (въ роли Бертрама), Никольскій (въ роли Роберта) и г-жа Платонова (въ роли Алисы). Только одной г-жѣ Бронь (въ роли Изабеллы) не посчастливилось и она на второмъ представленіи *Роберта* была замѣнена въ этой роли г-жею Михайловскою. Роль Елены исполняла г-жа Кеммереръ и исполняла хорошо. Что касается до машинной и декорационной частей въ этой оперѣ, то въ московскомъ Большомъ театрѣ онѣ лучше, чѣмъ на сценѣ Маринскаго театра.

Въ итальянской оперѣ, поставленная въ концѣ прошлаго года опера *Сабо* пользуется успѣхомъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій и откладываваній, было дано послѣднее произведеніе Мейербергера, *Африканка*, въ бенефисъ г. Тамберлика. Присутствовавшіе на генеральной репетиціи принуждены были слушать *Африканку* безъ *африканки*, потому что исполнявшая эту роль г-жа Барбо занемогла и по этому на репетиціи не пѣла.

Постановка *Африканки* на петербургской итальянской сценѣ взволновала весь городъ, и, при первомъ объявленіи о представленіи этой оперы, всѣ билеты были разобраны на расхватъ въ нѣсколько часовъ, такъ что на другой день въ афишахъ появилось извѣщеніе, что *билеты всѣ проданы*. Первое представленіе «*Африканки*» состоялось 6 го января, въ присутствіи государя императора, членовъ августѣйшаго семейства и представителей избраннаго петербургскаго общества. Въ исходѣ седьмого часа зала была уже полна сверху до низу, и петербургскій говоръ ожиданія носился въ партерѣ и ложахъ; ровно въ семь съ четвертью канцельмейстеръ Бавери подаль знакъ, и началась интродукція, замѣняющая увертюру: все притихло и обратилось въ слухъ и вниманіе.... Особенно по-

навивались публикѣ въ первомъ актѣ мелодическій романсъ, исполненный г-жею Бернарди, молитва и совѣщаніе членовъ совѣта, и величавый, потрясающій финалъ, дышащій средневѣковымъ фанатизмомъ. Во второмъ дѣйствіи замѣчательна арія г-жи Барбо (berceuse), во время сна Васко-де-Гама, сцена г. Граціани, дуэтъ г-жи Барбо съ г. Тамберликомъ и финальный септетъ. Въ третьемъ актѣ—хоры матросовъ, буря и abordажъ корабля. Въ четвертомъ—маршъ, танцы, свадебный хоръ, религіозный хоръ браминновъ, арія Тамберлика и наконецъ дуэтъ его съ г-жею Барбо. Въ пятомъ актѣ—знаменитая «прелюдія манценильника», по своей оригинальной концепціи и меланхолическому, исполненному глубокаго чувства мотиву, произвела поразительное впечатлѣніе и, по всеобщему требованію, была повторена. Превосходная декорация послѣдней картины подала поводъ къ вызову декораторовъ Вагнера и Роллера. Постановка оперы, декорации, костюмы, вооруженія, аксесуары—все великолѣпно и не оставляетъ ничего желать въ отношеніи вкуса, изящества и роскоши. Всѣхъ костюмовъ болѣе *шестисотъ*, аксесуарныхъ принадлежностей болѣе *четырехъ тысячъ*. Всѣ видѣвшіе эту оперу въ Парижѣ, единогласно подтверждаютъ, что на петербургской сценѣ постановка «*Африканки*» гораздо удовлетворительнѣе, нежели въ Большой парижской оперѣ. Послѣ четвертаго акта, г. Тамберлику были поднесены: большая серебряная стопа, вѣнокъ и букетъ. Въ исполненіи этой оперы на петербургской сценѣ пальма первенства принадлежитъ г. Граціани.

На балетной сценѣ были бенефисы г-жѣ Лебедевой и Петипа и г. Югансона.

Въ бенефисъ г-жи Лебедевой былъ возобновленъ балетъ Сенъ-Леона *Сирота Теоминда, или духъ долинъ*. Бенефицианткѣ былъ поднесенъ дорогой подарокъ, состоящій изъ брилліантовыхъ вещей. Театръ, впрочемъ, въ этотъ бенефисъ не былъ полонъ. Любимица Москвы, г-жа Лебедева, имѣетъ на петербургской сценѣ успѣхъ сомнительный и въ этомъ, какъ мнѣ кажется, виновата неона, а репертуаръ, ею исполняемый. Г-жа Лебедева—не только танцовщица, но и хорошая актриса. Громкія похвалы и блестящая извѣстность предшествовали появленію г-жи Лебедевой на петербургской сценѣ, публика петербургская ждала отъ нея чего-то особеннаго. И вотъ является г-жа Лебедева предъ этою публикою въ разныхъ *Фіалеттахъ*, *Теоминдахъ* и т. п., т. е. въ балетахъ, въ которыхъ (за исключеніемъ развѣ *Накеретты*), она могла показать только одну сторону своего таланта,—искусство танцовщицы, но не могла выказать другую сторону—искусство актрисы. А трудно было поразить петербургскую публику однимъ танцевальнымъ искусствомъ. Петербургъ имѣетъ превосходный балетъ, въ которомъ даже танцы и не первыхъ, а вторыхъ балеринъ, какъ напр., Кеммереръ, Мадаевой, Лидовой, Радиной, Кошевой и другихъ, доведены до замѣчательной степени совершенства. Г-жа Лебедева имѣла бы, вѣроятно, больше успѣха, если бы явилась въ балетахъ, въ которыхъ требуется игра, какъ напр. въ *Сатанилль*, въ *Эсмеральдѣ*. Жаль только, что въ настоящее время мало такихъ балетовъ, что балетъ теперь сталъ не драмою, выраженною мимикой, а болшимъ ди-

вертисментомъ, что балеринѣ не нужно теперь быть актрисою, довольно быть только танцовщицею.

Въ бенефисѣ другой петербургской балеринею, г-жи Петипа, шелъ новый балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ, *Флорида*, соч. мужа бенефициантки. Къ сожалѣнію, новое произведеніе г. Мариуса Петипа, довольно бѣдно поставленное, успѣха не имѣло, хотя танцы въ немъ и очень хороши.

Бенефисъ г. Югансона состоялъ изъ отрывковъ разныхъ балетовъ, въ которыхъ участвовали почти всѣ лучшія танцовщицы петербургскаго театра, и изъ одноактнаго балета *Волшебная Флейта* обставленнаго воспитанниками и воспитанницами петербургскаго театральнаго училища.

На масляницѣ публика очень радушно прощалась съ своими любимцами. Г-жамъ Лелевой и Мадасвой были поднесены серебряные сервизы, г-жѣ Петипа—бриллиантовый брошь, г-жѣ Кермереръ—серьги съ изумрудами. Были сдѣланы и другіе подарки, а г-жѣ Лебедевой было брошено до 150 букетовъ; на нѣкоторыхъ изъ нихъ была надпись: *До свиданія*.

На нѣмецкой и французской сценахъ поставлено немало новыхъ пьесъ, но ни одной изъ нихъ нѣтъ особенно замѣчательной. Нѣмецкій театръ пользуется большою любовью публики и почти постоянно бываетъ полонъ. Французскій театръ сдѣлалъ съ окончаніемъ нынѣшняго сезона двѣ большія потери. Режиссеръ французской труппы, г. Пейссаръ, послѣ тридцатичетырехлѣтней службы при дирекціи, вышелъ въ отставку. Въ день его прощальнаго бенефиса артисты французской труппы поднесли ему на память серебряную вазу и великолѣпный альбомъ. Преемникомъ Пейссара, по всей вѣроятности, будетъ г. Феде. Знаменитый комикъ Лемениль тоже оставляетъ сцену. Въ тепломъ и искреннемъ письмѣ къ г. министру императорскаго двора онъ выражаетъ свою глубокую признательность русскимъ за постоянное ихъ вниманіе къ нему и проситъ по преклонности лѣтъ дать ему увольненіе.

II—нѣ.

ЕЩЕ ОБЪ АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКѢ.

Въ 50 № С. Петерб. Вѣдомостей помѣщено слѣдующее заявленіе членовъ артистическаго кружка: «Мы нижеподписавшіеся считаемъ нужнымъ заявить, что все сказанное въ статьѣ (объ артистическомъ кружкѣ) «Русской сцены», № 19-й, о деспотическомъ поступкѣ г. Рубинштейна и о нарушеніи устава кружка по его будто бы требованію—клевета и вымыселъ безыменнаго автора ея.

Г. Рубинштейнъ, послѣ забаллотирования предложеннаго имъ въ члены Г. Я..., ничего не требовалъ; только, сложивъ съ себя должность старшины и члена кружка, вышелъ изъ залы. Тогда, вслѣдствіе подписаннаго сорока-шестью членами заявленія предложенія, состоявшаго въ томъ, что забаллотированіе Г. Я... произведено подъ вліяніемъ партіи, старшины, безъ всякаго участія г. Рубинштейна, *вынуждены* были приступить къ открытой баллотировкѣ.

При открытой баллотировкѣ, Г. Я... былъ выбранъ въ члены-любители кружка, всѣми налич-

ными членами противъ двухъ, а именно князя У... и Безекирскаго, написавшихъ на избирательномъ листѣ *нѣтъ*. Лишь по окончаніи баллотировки, г. Рубинштейнъ возвратился въ залу; встрѣченный продолжительными рукоплесканіями, онъ по общему настоятельной просьбѣ членовъ согласился остаться, по прежнему, старшиною кружка. Вотъ фактъ, такъ, какъ онъ былъ.

Во время отсутствія г. Рубинштейна, нѣкоторыми членами была составлена подписка о томъ, чтобы предложить виновника этой интриги къ исключенію изъ членовъ кружка; но г. Рубинштейнъ, возвратясь, просилъ прекратить эту подписку.

Въ чемъ безыменный авторъ статьи замѣтилъ тутъ деспотическій поступокъ г. Рубинштейна—понять трудно; но такъ какъ статья эта написана была съ явнымъ намѣреніемъ набросить невыгодную тѣнь на уважаемаго всѣми человека и артиста, то мы надѣемся, что редакція «Русской Сцены» не откажется помѣстить и нашъ на нее отвѣтъ, въ которомъ возстановить искаженную правду.

А. Островскій.

А. Осбергъ.

Живокіни.

П. Садовскій.

Князь Н. Трубецкой.

Маринъ.

Е. Васильева.

Н. Кашкинъ.

А. Кашкинъ.

А. Герсбергъ.

А. Френкель.

Ф. Бюхнеръ.

Трухановъ.

Левестамъ.

Дооръ.

Ульрихъ.

Н. Лесли.

Д. Живокіни.

П. И. Юргенсонъ.

А. А. Торлецкій.

Милановъ.

К. Альбрехтъ.

М. Владиславлевъ.

А. Оедотовъ.

А. Оедотовъ.

М. Владыкинъ.

Такъ какъ и въ Антрактѣ было говорено только одинъ разъ по поводу забаллотирования и открытой перебаллотировки г. Якучикова, то мы сочли себя обязанными перепечатать это заявленіе членовъ артистическаго кружка. Впрочемъ, и помимо этой побудительной причины, заявленіе членовъ кружка не могло не явиться въ нашей газетѣ, какъ заслуживающее полнаго вниманія само по себѣ. Прочтя его въ печати, мы просто не хотѣли вѣрить собственнымъ глазамъ, нѣсколько разъ перечитывали и недоумѣваемъ, съ какою цѣлью составлено и напечатано оно. Съ перваго раза оно можетъ быть принято за какое-то своего рода самообличеніе: двадцать шесть человекъ членовъ рѣшились созвать себя участниками въ дурномъ дѣлѣ, которое всею тяжестью его обрушилось было на одного изъ ихъ товарищей. И если бы это было дѣйствительно такъ, какъ кажется, то подобное благородное самообличеніе было бы, какъ нельзя болѣе, въ пользу подписавшихъ подъ нимъ: ошибки возможны во всемъ и всегда, а раскаяніе—половина исправленія. Но въ томъ то и бѣда, что заявленіе во всѣхъ пунктахъ своихъ имѣетъ характеръ защиты, оправданія. Подписавшіеся подъ заявленіемъ стараются оправдать поведеніе г. Рубин-

(*) Письмо это было доставлено въ редакцію Русской Сцены, но, за прекращеніемъ этой газеты, передано въ редакцію С. Петерб. Вѣдомостей.

штейна и снять тѣнь незаконности съ самаго факта перебаллотировки. Посмотримъ же, насколько они оказываются состоятельными въ обоихъ этихъ пунктахъ.

Двадцать шесть членовъ артистическаго кружка заявляютъ, что *все сказанное въ статьѣ Русской Сценѣ о деспотическомъ поступкѣ г. Рубинштейна и о нарушении устава кружка по его требованію—клевета и вымыселъ* автора статьи; т. е. стало быть, они заявляютъ, что 1) *поступокъ г. Рубинштейна—не былъ деспотическимъ*, и что 2) *уставъ нарушенъ—не по его требованію*. Прежде всего представляется вопросъ: о какомъ поступкѣ г. Рубинштейна трактуется въ заявленіи? Поступокъ этотъ состоялъ въ томъ, что когда предложенный г. Рубинштейномъ къ баллотировкѣ въ члены кружка былъ забаллотированъ, то г. Рубинштейнъ, *сложивъ съ себя должности старшины и члена кружка, вышелъ изъ залы* (слова заявленія). Теперь другой вопросъ: для чего сдѣлалъ это г. Рубинштейнъ? Дѣйствія безъ причины нѣтъ, а г. Рубинштейнъ не выставилъ никакой причины своего внезапнаго отказа и, стало быть, захотѣлъ, чтобы другіе сами домыслились до нея, до настоящей причины. Своимъ отказомъ отъ старшинства и членства г. Рубинштейнъ видимо хотѣлъ показать, что онъ не желаетъ оставаться въ обществѣ, гдѣ не все дѣлается по его; что онъ не хочетъ имѣть дѣло съ людьми, которые не единомыслятъ съ нимъ и позволяютъ себѣ думать о томъ или другомъ лицѣ не такъ, какъ онъ думаетъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняемъ мы себѣ поступокъ г. Рубинштейна и были бы очень рады, если бы намъ кто нибудь указалъ на другое, сколько нибудь возможное истолкованіе этого отказа. Г. Рубинштейнъ счелъ себя обиженнымъ приговоромъ общественнаго мнѣнія только потому, что оно шло въ разрѣзъ съ его личнымъ мнѣніемъ; нечего сказать большое же уваженіе къ голосу общественнаго приговора, да и къ тому же еще со стороны старшины, человека поставленнаго во главѣ общественнаго дѣла, призваннаго служить обществу! Отъ чего же другіе члены кружка подчинялись приговору общественнаго мнѣнія и не считали себя обиженными, когда предлагаемыя ими лица не рѣдко оказывались забаллотированными? Неужели только потому, что они, въ качествѣ простыхъ членовъ, не могли надѣяться, чтобы на заявленія ихъ неудовольствія обращено было такое вниманіе, на которое не безъ основанія, какъ оказалось, могъ рассчитывать г. Рубинштейнъ? Но къ дѣлу. Расчетъ удался, г. Якунчикова перебаллотировали и выбаллотировали, обиды миновалась и, *лишь по окончаніи баллотировки, г. Рубинштейнъ возвратился въ залу* (опять слова заявителей, строго возстающихъ на фактъ). Что же, развѣ послѣ всего этого, можно серьезно утверждать, что перебаллотировка г. Якунчикова совершилась не по требованію г. Рубинштейна? Неужели гг. члены кружка, подписавшіеся подъ заявленіями, не знаютъ, что *требовать* и заставлять можно не однимъ только словами, но и поступками и что въ иныхъ случаяхъ послѣднее средство оказывается павѣрнѣйшимъ. Впрочемъ, и сами члены сознаются, что они *«вынуждены»* были приступить къ открытой пе-

ребаллотировкѣ. И такъ, главная цѣль печатнаго заявленія совершенно не достигнута: поступокъ г. Рубинштейна ни мало не оправданъ, а только подтвержденъ и признанъ.

Достигается ли вторая цѣль заявленія—представитъ въ болѣе выгодномъ свѣтѣ дѣло, которое, говоримъ не обмануясь, на первыхъ же порахъ запятнало дѣятельность кружка? Вотъ какую картину правовъ раскрываетъ намъ печатное заявленіе членовъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ собраніи сорока шести членовъ артистическаго кружка баллотировалось одно лицо и получаетъ болѣе трети одобрительныхъ голосовъ, т. е., по наименьшей мѣрѣ, 16 голосовъ. Предложившій это лицо къ баллотировкѣ считаетъ себя обиженнымъ, даетъ понять, что онъ обиженъ, слагаетъ съ себя власть и права и удаляется изъ собранія. Члены поражены неожиданно разразившеюся надъ ихъ головами грозой и начинаютъ измышлять, какъ бы и какой бы поставить имъ громоотводъ, чтобы отвести грозу, снова снискать милость разнѣвавшагося старшины. Домышляются они наконецъ до такого громоотвода и цѣлымъ соимомъ порѣшаютъ, что *забаллотированіе произведено подъ вліяніемъ партіи*. Дорого, очень дорого бы готовы были дать мы за открытіе намъ того секрета, травы или зелья, благодаря которымъ члены домыслились до такого *порѣшенія*. Баллотировка была закрытая, каждый клалъ свой шаръ въ ту сторону, въ которую хотѣлъ, никто никого подъ руку не подталкивалъ; никто ни у кого шаровъ не скупалъ—и вдругъ результатъ баллотировки оказался дѣломъ партіи! Премудрость! Если кто нибудь захотѣлъ даже подъ словами: *дѣло партіи*, разумѣть подговоръ того или другаго лица не въ пользу баллотировавшагося, то, во первыхъ, какой же уставъ, въ какомъ обществѣ запрещаетъ присутствующимъ при баллотировкахъ лицамъ говорить и, разумѣется, говорить даже и не въ пользу того лица, которое подлежитъ баллотировкѣ; напротивъ, всякой баллотировкѣ *должны* предшествовать переговоры и сужденія о баллотлируемомъ лицѣ, для пользы самой баллотировки; а во вторыхъ, развѣ баллотлирующіе были дѣти и развѣ не въ правѣ были не слушать никакихъ подговоровъ? Закрытая баллотировка отноду не допускаетъ надъ собою никакого контроля, потому что она есть дѣло совѣсти каждаго баллотлирующаго и дѣло неприкосновенное. Однако, какъ бы то ни было, закрытая баллотировка *признается* дѣломъ партіи и тутъ же замѣняется *открытой*, безпримѣрной въ рѣшеніи личныхъ вопросовъ. Что же оказывается? Изъ сорока шести человекъ при своемъ *антѣ* остаются только двое: Везекирскій и князь Урусовъ. (Мы не понимаемъ, почему члены въ своемъ печатномъ заявленіи означили имя послѣдняго только начальной буквой; мы увѣрены, что кн. Урусовъ не постыдится дѣла, за которое заслуживаетъ полнаго уваженія). Остальные 14 членовъ (повторяемъ, что это еще *минимумъ*) испугались открытаго листа и отказались отъ своего прежняго мнѣнія. Громоотводъ возымѣлъ свое дѣйствіе, гроза миновала и смяловавшійся старшина *возвратился въ залу, встрѣченный продолжительными рукоплесканіями*. Спрашивается, за что *продолжительно* рукоплескали члены старшинѣ? За то, что онъ смѣ-

ниль гнѣвъ на милость и возвратился въ залу? Этого мало. Господинъ старшина такъ размягчился душою, что «по общей настоятельной просьбѣ членовъ *согласился* остаться, по прежнему, старшиною кружка». Ужъ кутить, такъ кутить! Затѣмъ, желая въ концѣ ублаготворить и отблагодарить благодѣтельнаго старшину, составляютъ подписку *этомъ, чтобы предложить виновника этой (измышленной членами) шутки къ исключенію изъ членовъ кружка*; по старшина великодушно прощаетъ врага и *проситъ прекратить эту подписку*.

Вотъ фактъ такъ, какъ онъ былъ и въ какомъ видѣ во всеуслышаніе признаютъ его совершившимся двадцать шесть членовъ, подписавшихся подъ заявленіемъ.

И такъ, намъ кажется, что печатное заявленіе, по поводу котораго распространились мы, конечной цѣли своей рѣшительно не достигаетъ, т. е. не *возстановляетъ искаженной правды*, а напротивъ свидѣтельствуетъ, что правда эта и не была искажена; оно прибавляетъ только нѣсколько крайне любопытныхъ и характерныхъ подробно тей къ факту, который былъ до сихъ поръ извѣстенъ только въ общихъ чертахъ. Кроме того, подписавшіеся подъ заявленіемъ члены расписались въ своей непонятливости, такъ какъ они откровенно сознались, что затрудняются понять, *въ чемъ авторъ статьи (напечатанной въ Русской Сценѣ) замѣтилъ деспотическій поступокъ г. Рубинштейна*.

Мы время отъ времени обращаемся и будемъ обращаться къ артистическому кружку потому, что не перестаемъ еще ждать отъ него болѣе цѣлесообразной и производительной дѣятельности; насъ все еще не оставляетъ надежда, что онъ не обратится въ обыкновенный клубъ, чтобы не сказать, въ игорный домъ.

Кстати, что же, устроятся-ли тѣ три спектакля, на которые кружокъ имѣетъ право и на которые могли рассчитывать поступившіе въ члены кружка?

Ред.

С М Ъ С Ъ.

— Въ Парижѣ обращаетъ на себя вниманіе молодая пѣвица съ прекраснымъ, чистымъ теноромъ. Ея фамилія — *Молла*; отъ роду ей всего только 18 лѣтъ. Она будетъ дебютировать на сценѣ итальянской оперы въ роли Эльвино, въ *Любовномъ напитокѣ*.

— Стразбургскій театръ на дняхъ едва не сдѣлался жертвою пламени. Въ третьемъ актѣ мелодрамы *Милый преступникъ*, первый драматическій актеръ Фридрихъ Штаубъ, проговоривъ свой монологъ въ темницѣ, въ сильной ажитации оттолкнулъ большую глиняную кружку, которая вмѣстѣ съ пучкомъ соломѣ подкатилась къ рампѣ. Огонь отъ зажженныхъ лампъ въ одно мгновеніе обхватилъ клокъ соломѣ и быстро сообщился съ большимъ соломеннымъ ворохомъ, на которомъ лежалъ Штаубъ.

Прежде чѣмъ артистъ этотъ успѣлъ придти въ себя, пламя подожгло его костюмъ. Жена Штауба, увидѣвъ изъ за кулисъ опасность, которая угрожала ей мужу, сама бросилась на сцену съ большимъ ковровымъ платкомъ, между тѣмъ огонь по боковымъ кулисамъ добрался до паддугъ. Находчивость одного мастераго спасла театръ отъ пестреленія. Схвативъ топоръ, онъ, по веревочной лѣстницѣ съ противоположной стороны отъ тлѣвшихъ кулисъ, взобрался къ паддугамъ и обрубилъ веревки, на которыхъ онъ держался, прекративъ такимъ образомъ дальнѣйшее распространеніе огня. Испуганные зрители бросились къ выходамъ и, не смотря на тѣсноту и давку, все благополучно выбрались. Пострадала одна только жена актера Штауба. Ея руки сильно обгорѣли; она отравлена для излѣченія въ больницу. Доктора находятъ необходимымъ, для предупрежденія антонова огня, отнять обѣ руки, но несчастная женщина рѣшительно отказалась отъ этой операціи. Самъ Штаубъ отдѣлался незначительными ожогами.

— На Франкфуртскомъ театрѣ, въ послѣдній день карнавала, представленіе оперы «Лукреція Борджіа» неожиданно было прервано въ половинѣ втораго акта вслѣдствіе внезапнаго исчезновенія перваго баритона Карлини и тенора Риверди. Представленіе остановилось, но занавѣсъ не опускался. Зрители, особенно въ верхнихъ рядахъ, пришли въ страшное неудовольствіе; шумъ, крикъ, свистки слышались со всѣхъ сторонъ, и даже на сцену полетѣли огрызки яблокъ. Тутъ только режиссеръ догадался опустить занавѣсъ и вышелъ объявить о причинѣ, помѣшавшей окончанію представленія. Но публика не довольствовалась объясненіями и не хотѣла расходиться. Неизвѣстно, до чего бы дошло неистовство публики, если бы не подоспѣлъ во время жандармъ. Онъ, объѣзжая окрестности города, услыхалъ выстрѣлъ и, подѣхавъ къ тому мѣсту, откуда послышался этотъ выстрѣлъ, увидѣлъ убитаго баритона Карлини, котораго ему нѣсколько разъ приходилось слышать въ театрѣ. Такимъ образомъ публика положительно узнала, что именно помѣшало ея удовольствію; но самыя причины этого несчастнаго происшествія открылись только на другой день. Карлини былъ женатъ на пѣвицѣ Рабель, которая участвовала въ той-же труппѣ въ качествѣ компримаріи. Риверди давно ухаживалъ, но безъ всякаго успѣха, за очень красивою собою Рабель. Въ послѣднее время пѣвица эта стала обращаться благосклоннѣе съ своимъ поклонникомъ, что не могло укрыться отъ Карлини; но онъ былъ увѣренъ въ своей женѣ и оставался покоенъ. Записка, переданная въ этотъ вечеръ теноромъ хорошенькой компримаріи и случайно попавшаяся въ руки Карлини, объяснила ему, какъ далеко зашли ухаживанія Риверди. Въ пылу ревности, Карлини бросился прямо въ уборную къ Риверди и потребовалъ немедленной дуэли. Они дрались безъ секундантовъ. Риверди арестованъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ МОСКВА, К. БАРСОВА

входъ съ Театральной площади, а для посѣтителей съ дамами 1-й подъѣздъ съ Большой Дмитровки
(отъ Благороднаго Собранія),

ВЪ ОБЩЕЙ ЗАДЬ,

въ Воскресенье, 27 Февраля, съ 7 часовъ вечера,

БУДЕТЪ ИГРАТЬ ОРКЕСТРЪ МУЗЫКИ Г. ГЕНЕ.

Съ участіемъ знаменитаго артиста на мандолинѣ **ВИМЕРКАТИ.**

ПРОГРАММА:

ОТДѢЛЕНІЕ 1-е:

1. Alliance, маршъ, Баха.
2. Увертюра la pie voleuse, Россини.
3. Victoria, вальсъ, Бильзе.
4. Pfiff, полька, Гейнсдорфа.

ОТДѢЛЕНІЕ 2-е:

5. Финаль изъ оперы «Atilla», Верди.
6. Орфей, кадрили, Страусса.
7. Pas de quatre изъ «Сатаниллы», Крейтлера.
8. Frauenherz, мазурка, Страусса.

LA RÉMINISCENCE DE NAPLES. СОЛО ДЛЯ
МАНДОЛИНЫ, ИСПОЛНИТЬ ВИМЕРКАТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ 3-е:

9. Камаринская, Глинки.
 10. Die Petersburger, вальсъ, Ланнера.
 11. Melodische Tändeleien, Страусса.
 12. Roderich, полька, Фреде.
- Соло для корнета-а-пистонъ.

ОТДѢЛЕНІЕ 4-е:

13. Fliegende Blätter, попури, Страусса.
14. КАВАТИНА ИЗЪ ОПЕРЫ «СИВИЛЬСКИЙ ЦИ-
РЮЛЬНИКЪ». СОЛО ДЛЯ МАНДОЛИНЫ,
ИСПОЛНИТЬ ВИМЕРКАТИ.

15. Русский романсъ, Гене.
16. Аттака, галоупъ, Келлеръ-Бела.

Программу эту можно требовать отъ служителей гостинницы.

Кушанья можно получать обѣдами, отъ 1 ч. до 6 ч. вечера: скромныя изъ 7 блюдъ и кофе 1 р. 50 к., изъ 6 блюдъ и кофе 1 р.; рыбныя, изъ 6 блюдъ и кофе 1 р. 25 к.; порціями же по прейсъ-куранту. Чай, кофе, шоколатъ, вина отъ Депре, по карточкѣ, подъ № №, по умѣренной цѣнѣ.

ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО,

на Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

ОБОИ

разныхъ сортовъ—самыхъ новыхъ отъ 20 к. за кусокъ и выше.

ВЪ ЗАЛАХЪ НОВО-ТВЕРСКАГО ТРАКТИРА,

Съ 27 Феврала сего года, каждый вечеръ съ 6 часовъ, поетъ хоръ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, подъ управленіемъ Василія Евграфова; а съ 8 часовъ, въ антрактахъ, играетъ знаменитый Американскій концертинистъ Сидней Терри, съ участіемъ Прессилии Терри.

Чай, кушанья и вина по цѣнамъ умереннымъ.

У Тверскихъ воротъ, въ домъ Суслиной.

3—86.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ ЧЕЛЫШЕВА, ВЪ ОТДѢЛЕНІИ ТРАКТИРА,

ежедневно играетъ и поетъ хоръ артистовъ, подъ управленіемъ солистки Генріетты Крафъ; а въ русской половинѣ поетъ хоръ русскихъ пѣсельниковъ. Въ ономъ заведеніи можно получать чай, кофе, шоколатъ, вина изъ погреба Дебре, кушанья: постныя и скоромныя, обѣдами и порціями, по умеренной цѣнѣ.

1—85.

Купецъ Звѣревъ.

POUR CESSATION DE COMMERCE.

On continuera à vendre les livres de tous genres et en différentes langues au

GRAND RABAIS.

C'est-à-dire, que les ouvrages nouveaux et les plus courants, se vendront à **20 COP. LE FRANC**, et que beaucoup d'autres pourront encore être donnés à un prix plus modéré. C'est une bonne occasion pour les personnes, qui désirent enrichir leur bibliothèque, ou s'en former une.

CETTE VENTE continuera tout le carême, à la grande Dmitrovka maison
Campioni № 22.

LIBRAIRIE FRANÇAISE DE D^{que} RENAUD.

La Librairie est ouverte de 9 heures du matin, jusqu'à 5 heures du soir.

2—84.